

На Орлиной горе

СЕГОДНЯ в своем фронтовом блокноте я встретил одно из тех имен, что будут воспоминания. Его звали Борисом Хачатуряном. Уроженец Армении, он выглядел типичным горцем—сухощав, смугл, с черными, как смоль, волосами и черными решительными глазами. А вместе с ним вспомнился Кавказский хребет с его гордыми, покрытыми снегом вершинами, и белыми, как вата, облаками, цепляющимися за шапки гор. И еще потревоженные боями орлы, парящие над ущельями.

Шли тяжелые бои. Дрожала земля. Горы, казалось, вот-вот сдвинутся с места от артиллерийского гула. Враг крепко засел на высотах, в районе перевалов. Несколько суток мы штурмовали один из них, отвоевывая у противника метр за метром. Нелегко наступать в горах, брать неприступные вершины. Приходилось идти, прижимаясь к отвесным стенам, продвигались по узким карнизам скал. Переходили пропасти, используя построенные самой природой мостики на головокружательной высоте.

Для нас все это казалось необычным и страшным. Идешь над пропастью, глянешь вниз—и дух захватывает.

И только один Борис Хачатурян был спокоен и среди опасностей, подстерегавших на каждом шагу, лавировал с завидной легкостью. Ущелье и пропасти, щели и опасные места представляли перед ним, как прочитанная книга.

Перед нами извилистая тропа спиралью уходит вверх. Там, в конце ее, блокирует выход вражеский пулеметчик. Он поливает с вершины пулевым дождем тропу впереди нас. Продвижение наше совсем остановлено.

Командир роты капитан Буслаев озабоченно всматривается в вершину, прикрытую облаком. День такой теплый, весенний. И сизый туман в далеких ущельях, откуда доносится шум горных потоков. А с вершины без усталости сыплет огненные трассы пулемет.

— Туда бы пару снарядов,—сказал Хачатурян.

— Артиллерию еще не подтянули,—с упреком, точно это вина Бориса, возразил русоволосый сержант Князев.

— Значит другой выход надо искать,—горячился Борис.

Беспокойный парень Хачатурян. Он всегда кипит неиссякаемой энергией. Всегда жаждет действия, споров.

Остыв немного, он отошел от Князева и долго смотрел на вершину, что-то обдумывая. И вот лицо его осветилось надеждой. Борис подошел к командиру роты:

— Товарищ капитан, разрешите снять фашистский пулемет.

— Каким образом? — заинтересовался Буслаев, всматриваясь в Хачатуряна, стоявшего перед ним навзничью.

— Поднимусь наверх и уничтожу,—уверенно заявил он.

Капитан Буслаев знал Хачатуряна не один день. Знал, что если Борис за что-нибудь возьмется, то обязательно сделает. Но одолеет ли он крутизну горы? Облако к этому времени стало редеть и сквозь его окно проглянула вершина.

— Вот смотрите, товарищ капитан. Пулемет бьет только до черного камня. Видите его? — указал Борис. — Мне понадобится несколько минут, чтобы добраться туда. К черному камню свисает с выступа куст. Видите? Я схвачусь за ветки и выберусь на карниз. По карнизу можно подняться метров на пятьдесят. Потом снова сойду на тропу: там для пулемета уже мертвая зона.

Командир роты не сразу принял решение. Задание предстояло трудное. Но Хачатурян—уроженец гор, надеяться можно.

— Сумеете? — все еще сомневаясь, спросил капитан.

— Пулемет будет снят,—как клятву, произнес Борис.

— Выполняйте! — сказал Буслаев.

Прихватив с собой несколько гранат, Хачатурян ушел.

Вся рота с напряжением наблюдала за действиями отважного солдата. Видели, как он промелькнул у черного камня, слышали, как в ярости захлебывался вражеский пулемет. Гибкий, ловкий, Борис преодолевал метр за метром, продвигаясь вперед. Вот он ухватился за

ветки куста, подтянулся и застыл на мгновение. Все ахнули: ранило! Но солдат одним рывком достиг карниза и скрылся в туманной дымке.

В мучительном ожидании прошло полчаса. Туман наверху рассеялся. Пулемет врага, не умолкая, держал тропу под губительным огнем. Как же Борис? Что с ним? Жив ли? Все думали только об этом. Вот он показался на несколько секунд. Спрыгнул вниз с такой высоты, что у нас дух захватило. И снова исчез.

Тягостно тянулось время. Может быть, на последние метры не хватило сил? Возможно сорвался в пропасть? И опять на мгновение увидели его. Борис перепрыгнул через расщелину по наклонной вниз. Теперь возврата ему не было. Оставалось одно — достигнуть вершины. Но здесь предстояло преодолеть самую трудную часть крутого подъема.

Вдруг что-то с треском сорвалось вниз. Мы замерли. Это был камень. Наверное, Борис задел его нечаянно. А, может быть, нарочно сбросил, чтобы отвлечь внимание врага. От сердца отлегло.

Прошло еще несколько томительных минут, и на вершине, под облаками, раздалось подряд два взрыва. Тут же, словно захлебнувшись, пулемет смолк...

— Эге-ге-ей! — донесся до нас голос Хачатуряна.

Все вскочили. Лицо командира роты озарилось улыбкой.

— Вперед! — подал он команду.

Пулемет молчал. Там, наверху, уже закрепился Борис. Торопливо, задыхаясь от усталости, мы карабкались в гору. На вершине застучали автоматные очереди. В ответ застрекотал пулемет. Это Борис отстреливался от гитлеровцев. Командир роты предвидел, что автоматчики откроют огонь. Надо выручать товарища.

— Быстрее! — торопил капитан.

Подгонять нас не было нужды. Мы спешили. Выскочив наверх, я увидел Бориса, лежавшего за пулеметом, за тем самым пулеметом, который более двух часов грозил нам смертью. Теперь Хачатурян бил из него по фашистам.

Укрываясь за выступами скал, фашисты полукругом приближались к Хачатуряну. Они, наверное, хотели взять его живым. Но тут подоспели мы и с криками «ура» бросились на врагов. Гитлеровцы, отстреливаясь, отступили, но и пулемет вдруг затих. Я увидел, как голова Бориса поникла, и бросился к нему. Он лежал ничком, широко раскинув руки, и не двигался.

— Борис! Борис! — закричал я. Переворачивая его на бок. Подстриженная черноволосая голова беспомощно запрокидывается назад.

— Борис, друг! — еще не все понимая, тормошу я его. Он слабо, на выдохе, что-то шепчет, но я никак не могу разобрать, что именно. Замечаю, как на левой стороне груди, поверх гимнастерки, начинает расплзаться красное пятно. Лицо Бориса сделалось бледным, мертвенным. В судороге еще раз дрогнули веки, безмолвно шевельнулись губы. Через минуту Борис умер. Подошел командир роты. Медленно стягивая пилотку, он долго смотрел в лицо Хачатуряну.

В кармане гимнастерки вместе с комсомольским билетом было неотправленное письмо. Письмо к любимой девушке, о которой он рассказывал, на которой мечтал жениться. У меня сжалось сердце, и горячий комок подступал к горлу. Какой доброй и красивой души солдат жил и воевал рядом с нами.

П. САВЕНКО,
полковник в отставке.